

«Какое одиночество — быть непобедимым!»

Ван Ба горестно вздохнул, поднялся на ноги и принялся отряхивать одежду. План на сегодня был прост и привычен: найти наивного простофилю и развести его на выпивку и сытный обед под старым добрым предлогом: «Я — первый ученик Бессмертной секты Чжэнъе, павший жертвой подлых козней и лишившийся всех сил. Переведи мне пятьдесят духовных камней, и я вернусь в царство Бессмертного почтенного!»

С этой мыслью он, кривясь от боли, расправил измятые полы халата, поднял голову и крикнул:

— Эй, почтенный брат! Прости великодушно, я не нарочно врезался в твою повозку! Назови цену, сколько с меня за ущерб?

Скатываясь по ступеням горной лестницы, он заранее прикинул маршрут: пролететь кубарем три ли, ухнуть в реку Сунцзян и поплыть по течению навстречу новым землям и приключениям. Но в последнее время Бессмертная секта Чжэнъе объявила массовый набор, и сюда ломанулся весь мир. А где толпа, там всегда найдутся невежды или наглецы, плюющие на правила приличия. Вот и сейчас какой-то умник припарковал свой экипаж прямо у подножия. По закону подлости Ван Ба на полном ходу влетел головой в борт роскошной кареты, запряженной парой восьминогих крылатых скакунов. От такого удара он едва и впрямь не сплюнул кровью.

Окна у дорогого экипажа тоже оказались непростыми: темная слюда, скрывавшая пассажира от чужих глаз, вдруг сделалась прозрачной, явив изящную резную решетку. Изнутри скользнул мимолетный взгляд, и мгновение спустя на землю спрыгнул богато одетый юноша.

Юноша был высок, статен и прекрасен ликом — чистый нефрит, сразу видно: холеный наследник какого-нибудь влиятельного клана, идеальное лицо своей семьи. Едва Ван Ба, держась за бок экипажа, попытался подняться, парень бросился к нему на помощь. На его лице отразилось искреннее раскаяние.

— Какая неловкость! — воскликнул юноша, бережно поддерживая его под локоть. — Я прибыл сюда в надежде приобщиться к истинному пути, а вместо этого умудрился покалечить старшего брата Вана! Как я могу требовать с вас плату? Если старший брат не побрезгует моей скромной компанией, прошу, поднимитесь в карету. Позвольте мне искупить вину и подлечить ваши раны!

Ван Ба опешил. Он незаметно сжал в кармане передающий талисман.

«Что за чертовщина? В сценарии этого не было! Откуда взялся сюжет в духе „вышвырнутого на улицу сироту подбирает сказочно богатый покровитель“? Инь Сянь ведь терпеть не может таких выскочек, с чего вдруг он позволил ему припарковаться у самого порога?..»

На вершине горы Инь Сянь тоже застыл в недоумении.

— Что за невоспитанное отродие? — процедил он сквозь зубы. — Неужели трудно запомнить, что перед воротами парковаться запрещено? Деревенщина, как есть деревенщина!

— У тебя что, пластинку заело? Одной фразой весь день шпаришь, — фыркнула Су Цзи.

Инь Сянь поправил очки на переносице:

— Я впервые играю высокомерного сноба, шицзунь, так что прошу отнестись с пониманием.

Гу Пань ядовито добавила:

— Да ты и в жизни тот еще сноб. А сейчас просто переигрываешь.

— Старшая сестра просто не понимает тонкостей актерского мастерства, — парировал Инь Сянь. — Успех персонажа зависит не от глубины его характера, а от ярких стереотипов. И коронная реплика — важнейший элемент образа!

— Да пошел ты.

Все три Бессмертных почтенных выглядели на редкость величаво. Каждый из них обладал неповторимым очарованием, и когда они принимали подношение чая от младшей сестры перед Главным залом на главном пике, их позы излучали благородное изящество, приправленное легким снисхождением. Сторонние наблюдатели не сомневались: в секте Чжэнъе грядут великие перемены. И никто даже не подозревал, что в эту самую секунду великие мудрецы вовсю сплетничали через божественную связь.

Тем временем у подножия горы Ван Ба успел взять себя в руки. Он небрежно махнул рукой и вздохнул:

— Эх, парень... Путь самосовершенствования требует прямоты и искренности, к чему эти расшаркивания? Цел я, не беспокойся. Отплатить мне тебе нечем, разве что дам один совет: коли приехал учиться, не теряй времени даром. Живее топай по лестнице, завтра прием заявок закроется.

Договорив, он хромя побрел в сторону реки Сунцзян, мысленно готовясь разыграть классическую сцену: «силы покинули героя, и он без чувств рухнул в бурный поток». Его широкая спина и залитые кровью полы халата со спины смотрелись невероятно трагично — истинный герой, уходящий в последний бой.

Юноша замялся лишь на мгновение, а затем торопливо засеменил следом. Ухватив Ван Ба за рукав, он с жаром потащил его обратно к карете, так и пыша праведным гневом:

— Да пропади оно пропадом! Я ведь приехал в секту Чжэнъе лишь потому, что преклонялся перед величием и доблестью Бессмертного почтенного Иньмина! Кто же знал, что с такой выдающейся личностью здесь обойдутся столь жестоко? Сердце кровью обливается при виде такой несправедливости! Не нужна мне эта секта, ноги моей здесь не будет! Брат Ван, пойдем лучше выпьем, я угощаю!

Ван Ба мысленно аплодировал стоя. Глаза его наполнились фальшивыми слезами.

— Все-таки мир не без добрых людей, брат! — дрожащим от избытка чувств голосом произнес он. — Я тоже верю, что справедливость восторжествует, и настанет день, когда... Эх, да ну их, эти грустные мысли. Идем пить!

— До дна!

— Золотые слова, друг мой!

Ван Ба со всей ответственностью отдался роли. Позволив затащить себя в карету какому-то слабаку, чья культивация не дотягивала даже до Царства Великого Истока, он приготовился наслаждаться вип-обслуживанием.

«А парень-то неплох! С такими актерскими данными лет десять назад его бы без экзаменов взяли в ученики внешнего круга».

Вообще-то Ван Ба не отличался ложной скромностью, да и рельефные, упругие мышцы он качал именно для того, чтобы ими любовались. Но сейчас, опасаясь выдать истинный уровень своей культивации, он решил придержать прелести при себе. Смазывая свои бутафорские царапины редкими мазями, он кривился и охал, а в душе буквально рыдал от мысли, сколько добра переводится впустую. Заметив его гримасы, парень распалился еще сильнее, у него даже слезы на глаза навернулись.

— Брат Ван, прошу, выпей еще вот этого обезболивающего из Павильона Горьких Трав... — сокрушался юноша. — Знаю, мне, безродному младшему, не пристало обсуждать поступки великих старейшин, но как секта могла так обойтись с тобой? Ты ведь пекся лишь о чести Чжэнъе! А они... Только и думают, что о своей перепуганной младшей сестренке, а на твои раны им плевать!

В глазах же юноши этот жест выглядел иначе: израненный предательствами герой окончательно замкнулся в себе, а его бывшая стойкость оказалась лишь напускной броней.

«Идеально! Самое время прикинуться ласковым зимним солнышком и втереться к нему в доверие!»

Сделав вид, что смущен собственной бесцеремонностью, он вовремя отступил, давая

собеседнику личное пространство. С легким щелчком распахнув дорогой веер, он обаятельно улыбнулся:

— Прости мне мою навязчивость, брат. После всего, что тебе пришлось пережить, осторожность вполне оправданна. Сам я родом из Лои, что на Центральном континенте. Так что мы с тобой, можно сказать, земляки.

Ван Ба хмыкнул:

— Какие еще земляки? В нашей деревне Ванцзя отродясь таких богачей не водилось.

— Какая разница, столица или глушь, мы ведь все из Лои! К чему эти деления, мы же не на собрании секты, — рассмеялся юноша. — Прости мою бестактность, я не представился. Мое имя Чжао Суй. Я давно восхищаюсь твоими подвигами, брат Ван, и ехал сюда лишь ради тебя. Надеялся, если повезет, стать учеником Бессмертного почтенного Иньмина, исполнить давнюю мечту... Но ладно, пустое это. Мы приехали! Сегодня я угощаю, зальем тоску добрым вином!

Ван Ба хранил угрюмое молчание, всем видом показывая, что его задели за живое. На самом же деле он судорожно сжимал талисман связи, пытаясь нарыть хоть какую-то информацию.

«Твою ж дивизию... Неужели это не наш подставной актер? Да его актерское мастерство раз в сто круче, чем дешевые ужимки нашей чаевницы Ян Чжэн! Неужели это и есть та самая врожденная харизма столичных шишек, начисто подавляющая деревенский дух?!»

Чжао Суй поднялся, и двери экипажа бесшумно растаяли в воздухе. Только сейчас Ван Ба сообразил, что эта повозка была не просто красивой игрушкой, а мощным артефактом: за считанные минуты они преодолели сотню ли и оказались в элитном квартале, где даже среди бела дня сияли бесчисленные фонари. Чжао Суй сошел на мостовую первым. На его роскошном халате заиграли тени бамбуковых листьев, и тут Ван Ба разглядел узоры, вышитые нитью столетнего золотого шелкопряда. Эта вышивка образовывала самый сложный защитный барьер. У лишившегося сил «калеки» аж зубы заныли от зависти.

Все четыре Бессмертных секты Чжэнъе, вместе взятые, никогда не носили столь баснословно дорогих шмоток. Сам Ван Ба был круглым сиротой и потомственным крестьянином. Гу Пань, святая дева секты, и вовсе была подобрана Су Цзи на помойке в самые голодные годы. Что касается Инь Сяня — его происхождение превосходило родословную Чжао Суя на голову, но, как говорится, «сироте судьбой положено быть сильным». В юности вся его семья пала жертвой резни, клан пришел в упадок, половину наследства разворовали враги, а вторую половину бедняга вбухал в восстановление родной обители. А когда они наконец пробились на вершину мира, всякие защитные побрякушки им стали попросту без надобности.

Спустившись на землю, Ван Ба глубоко вдохнул удивительно свежий, напоенный тонкими ароматами воздух. От этого благоухания его душа ушла в пятки, а разум затуманился.

«Мать твою, у этих богатеев даже воздух пахнет золотом!»

Такой мажор, как Чжао Суй, не побоялся припарковаться у ворот великой секты, так что и в оживленный торговый квартал он въехал с королевским размахом, велел остановить карету прямо у дверей таверны. Ван Ба усердно изображал деревенского дурачка, впервые попавшего в столицу: его внушительный рост под метр девяносто в сочетании с окровавленным, но смазливym лицом придавал ему крайне жалкий и трогательный вид. Проследовав за Чжао Суюм в зал, он по привычке бахнул кулаком по столу едва успев сесть, и зычно крикнул:

— Эй, зазывала! Вина нам!

— Прошу прощения, но в нашем заведении нет «зазывал». У нас работают исключительно сомелье и бренд-шефы.

Не успел Ван Ба опомниться и осознать, что интерьер заведения так и кричит о непомерных ценах — и что будь его воля, он бы в жизнь не зашел в этот притон для мажоров, — как раздался надменный голос, сочащийся ядом не хуже, чем у Инь Сяня. Перед ними нехотя предстал утонченный юноша в белоснежных одеждах, с полураспущенными волосами, скрепленными нефритовой заколкой. Его личико было столь нежным и нарумяненным, что Ван Ба чуть не вышел из роли, едва сдержав восторженный возглас: «Мама дорогая, неужто это тот самый хрестоматийный смазливый мальчик для утех? Наконец-то я увидел это чудо природы вживую!»

Красавчик одарил их приторной, фальшивой улыбкой:

— Рад приветствовать почтенных господ в обители «Сосновый ветер и луна на воде: Семь отголосков пустой горы». Я — управляющий заведения, можете называть меня Чанцин-цзы. У вас забронирован столик?

Ван Ба ошалело моргнул.

«Что за пафосная хрень? Куда меня черти занесли? Это вообще еще Центральный континент или я в параллельный мир провалился?»

Конечно, Инь Сянь, бывало, в счет старых долгов водил его по элитным кабакам, но чтобы до такой степени...

Чжао Суй не упустил случая блеснуть чешуей и небрежно бросил:

— Брони нет. Но я только что выкупил эту улицу со всеми потрохами.

Надменная маска сползла с лица смазливого управляющего. Он вытянулся в струнку, хотя в его глазах все еще читалось сомнение: «Если ты такой богатый, на кой черт приперся в нашу

глушь? Неужто тебе не выпивка нужна, а мое бренное тело в придачу к бутылке?»

Чжао Суй проигнорировал его взгляд:

— Слышал я, будто прошлогоднюю партию Вина Пурпурного Указа и Киновари из погребов господина Сяо Ду выкупил именно ты. Вот и решил заглянуть по пути. Не думаю, что у тебя найдутся лишние средства, дабы осушить эти запасы самому. Эх, надо же, даже столь редким напитком кто-то умудрился заинтересоваться. Похоже, на нашем Центральном континенте развелось слишком много праздного люда.

Глаза управляющего алчно блеснули, а высокомерие гостя он легко пропустил мимо ушей. Всплеснув руками, он слащаво пропел:

— Какая поразительная осведомленность! Истинного ценителя сразу видно. Господин желает стать моим близким...

— Избавь меня от этой чести, ты не моего полета птица, — безжалостно оборвал его Чжао Суй и кивнул на притихшего Ван Ба. — Ценность этого вина лишь в его редкости. Я собираюсь использовать его как скромный подарок для старшего брата Вана. Надеюсь, изысканный вкус поднимет ему настроение и он позволит мне стать его преданным другом.

Ван Ба, до этого самозабвенно изображавший глубокую скорбь и отрешенность, наконец «очнулся» и недоуменно нахмурился:

— Погоди-ка... Я же только что выглядел как побитая собака. Как ты вообще меня узнал?

Чжао Суй лишь снисходительно улыбнулся и покачал веером:

— К чему эти сомнения, брат Ван? Неужто ты позволил наветам мелких завистников усомниться в собственном величии? На всем Центральном континенте нет человека, который бы не слышал твоего славного имени! Хозяин Бессмертной обители Пурпурного Облака, триумфатор восьмидесяти седьмого Великого состязания пяти континентов, первый ученик секты Чжэнъе, владелец Меча Сдерживаемого Света — великий Бессмертный почтенный Иньмин!

Управляющий испуганно пискнул:

— Но у нас не поместится столько народу!

Ван Ба притворно надулся и зыркнул на парня:

— Ах ты наглец, самого Ван Ба не признал! Сквозь землю готов провалиться от стыда за тебя.

Живее неси свое хваленое киноварное зелье, дай хоть горло промочить!

Чжао Суй покатился со смеху и вальяжным жестом спровадил управляющего за вином. Затем он легким движением придвинул свой стул вплотную к Ван Ба и заговорщицки зашептал:

— Не грусти, брат Ван, истинный талант всегда пробьет себе дорогу. Ты — великий Бессмертный почтенный, стоит ли обращать внимание на лавочника, у которого даже на нормальных слуг денег нет? Главное, что я и мои друзья безгранично уважаем тебя. А остальное — суета.

Но тут безмятежная, шутовская улыбка Ван Ба растаяла. Его обычно веселые черные глаза внезапно обдало могильным холодом.

— Хватит, — глухо прервал он собеседника. — Я больше не Бессмертный почтенный. Моя культивация уничтожена, духовные каналы пусты. Сейчас я слабее последнего мальчишки на побегушках. К чему весь этот цирк, господин Чжао? Зачем ты тратишь силы и время на то, чтобы поиздеваться над калекой?

<http://bllate.org/book/19845/1986168>